
ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

ТРЕВОГА СМЕРТИ В ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ УЖАСОМ ДЖ. ГРИНБЕРГА, Т. ПИЩИНСКОГО И Ш. СОЛОМОНА¹

© 2011 г. Т. А. Гаврилова

Кандидат психологических наук, зав. кафедрой практической психологии,
Уссурийский государственный педагогический институт, г. Уссурийск;
e-mail: tgavrilovaster@gmail.com

Представлен обзор англоязычных публикаций по теории управления ужасом (*Terror Management Theory – TMT*) Дж. Гринберга, Т. Пищинского и Ш. Соломона. Освещаются теоретические предпосылки и положения *TMT*; обобщаются основные гипотезы, экспериментальная методология, эмпирические данные и выводы. Анализируются пять основных направлений критики *TMT*.

Ключевые слова: тревога смерти, теория управления ужасом, психологическая защита, самоуважение, культурное мировоззрение, эмпирическая экзистенциальная психология, эволюционная психология.

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ УЖАСОМ И ЕЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Теория управления ужасом (*Terror Management Theory – TMT*) была сформулирована в 1986 г. американскими психологами Джефом Гринбергом, Томом Пищинским и Шелдоном Соломоном (*J. Greenberg, T. Pyszczynski, S. Solomon*) (см. обзоры [17, 35]). Авторы определили ее как социально-психологическую теорию, основанную на идеях экзистенциализма и экспериментальных данных. К настоящему времени *TMT* вдохновила около 300 (цит. по [35]) экспериментальных исследований в 15 странах (в США, Канаде, Германии, Италии, Израиле, Нидерландах, Японии, Австралии, Иране и др.). В России опыт ее использования описывается в работах под руководством С.А. Щебетенко [12, 13]. Теория приобрела большое количество как стойких сторонников, так и непримиримых противников. Споры по этому поводу приобрели особую актуальность в связи с событиями 11 сентября 2001 г., после которых от авторов *TMT* перестали “отмахиваться” авторитетные научные журналы, а сама теория стала предметом серьезного рассмотрения в широких кругах.

Идейным источником *TMT* явились работы известного антрополога Эрнста Беккера [18, 19] о фундаментальных мотивах человеческого пове-

дения, в которых он сформулировал теорию производительной тревоги смерти (*generative death anxiety*). В качестве источника человеческой деятельности Беккер в противовес Фрейду выдвинул конфликт между инстинктом самосохранения и знанием о неизбежности собственной смерти. Фундаментальным мотивом человеческого поведения и существования, доказывал Беккер, является стремление человека любыми путями оградить себя от осознания смертности.

Развивая идеи Беккера, создатели теории управления ужасом также исходят из того, что сочетание у человека инстинкта самосохранения с сознанием личной смертности приводит к развитию *аннигиляционной тревоги* (термин Беккера) такого непереносимого качества, которое может быть охарактеризовано только как “парализующий ужас”. Для того, чтобы выжить перед лицом такой ужасающей перспективы, люди, по-видимому, были вынуждены придумать некие средства, позволяющие им не быть “парализованными” этим ужасом, а благополучно существовать. Таким средством авторы *TMT* вслед за Беккером считают культуру, которая предстает как средство массовой защиты от тревоги смерти.

Для доказательства генеративного характера тревоги смерти в теории управления ужасом была разработана оригинальная экспериментальная методология (см. обзор [36]), в которой тревога смерти впервые в истории ее эмпирических исследований выступает в качестве незави-

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 07-06-00869а).

симой переменной². В этих целях при помощи разнообразных манипуляций³ у испытуемых актуализировали осознание их неизбежной смертности, которое, как предполагалось, возбуждало у них потенциал⁴ для развития тревоги. Такая ситуация была названа “очевидностью смертности” (*mortality salience*, в дальнейшем – *MS*), что по-русски может быть лучше выражено как “напоминание о смертности”. Все последующие за *MS* реакции и поступки испытуемых в рамках методологии *TMT* рассматривались как порожденные тревогой смерти. Поскольку предполагается, что эта тревога может вызывать только защитные реакции, то зависимыми переменными в исследованиях выступают особенности поведения, которые трактуются как защищающие человека от парализующей до ужаса тревоги смерти. К таким особенностям, во-первых, было отнесено *самоуважение* [27, 45].

Так, в одном из ранних исследований создателями *TMT* было обнаружено, что самоуважение и тревожность, измеренные как черты личности, отрицательно коррелируют друг с другом [26]. После этого и была разработана указанная выше специальная экспериментальная схема для более глубокой проверки этого соотношения и, в частности, для изучения соотношения самоуважения и тревожности как состояний. Было выявлено, что поддержка самоуважения испытуемых уменьшает их физиологическое возбуждение и самоотчетную тревогу в ответ на графические изображения смерти и болезненные удары током, а также уменьшает защитные искажения в отрицании уязвимости к ранней смерти [30].

Кроме того, было показано, что как экспериментально спровоцированное, так и естественно имеющееся у испытуемых высокое самоуважение уменьшает защитные ответы на напоминания о смерти [там же]. Было обнаружено также, что после напоминания о смертности увеличивается тенденция испытуемых повышать свое самоуважение. Так, например, те, кто высоко ценит свои водительские способности, начинают более рис-

кованно вести автомобиль [50], а те, кто гордится своей внешностью, сильнее сосредоточиваются на ней [25]. И вообще, после *MS* испытуемые чаще идентифицировались с успешными группами и дезидентифицировались от группы неудачников (например, [23]).

Второй (и наиболее исследованной) зависимой переменной в *TMT* стало *культурное мировоззрение* (*cultural worldviews*). Центральная гипотеза *TMT* состояла в том, что то или иное принятое в данной культуре мировоззрение снижает потенциальную тревогу по поводу смерти и что напоминания о смерти должны усилить его защиту. Для проверки этой гипотезы после *MS* испытуемым предлагалось, например, оценить мнения и действия людей с противоположным культурным мировоззрением. Так, в первом исследовании [46] группе муниципальных судей после напоминаний о смертности предлагалось прочитать описание происшествия с проституткой и назначить размер залога (от 0 до 999\$), достаточного для того, чтобы выпустить ее на свободу. Если в контрольной группе, которой не напоминали о смерти, средний размер залога был около 50\$, то в экспериментальной группе он оказался в среднем 455\$. Таким образом, осуждение проститутки как нарушительницы принятых культурных норм было более сильным после напоминания людям об их смертности. Такая же тенденция проявлялась и в том случае, когда тем же судьям дополнительно предлагалось установить размер вознаграждения для женщины, которая задержала вора (3476\$ в экспериментальной группе по сравнению с 1112\$ в контрольной).

Большая часть подобных исследований продемонстрировала, что очевидность смертности увеличивает положительные реакции испытуемых на тех, кто поддерживает или утверждает их мировоззрение, и отрицательные реакции на тех, кто бросает вызов их мировоззрению [28–30, 34]. Далее выяснилось, что напоминание людям о смертности усиливает их просоциальное поведение в целом (правда, только внутри своей культуры): после таких напоминаний увеличивается приверженность культурным нормам и увеличивается оценка роли социального согласия [44].

Так, был сделан вывод о том, что эффектом *MS* является поведение, которое либо поддерживает самоуважение и культурное мировоззрение, либо рассеивает любые угрозы, посягающие на эти два компонента щита против экзистенциальной тревоги [43]. Этим эффектом авторы объясняют широкий диапазон человеческого поведения, включая агрессию, национализм, предубеждения,

² До этого тревога смерти традиционно исследовалась исключительно как зависимая (от пола, возраста, личностных и социальных характеристик) величина.

³ Например, просмотр документальных видеоклипов о натуралистических сценах смерти, пребывание около похоронных процессий, заполнение опросников об отношении к смерти, мини-сочинения о наиболее вероятных особенностях собственной смерти и т.п.

⁴ Именно “потенциал” для развития тревоги, а не само по себе состояние тревоги. Это принципиальная посылка *TMT*, связанная с дуальной моделью защиты человека от осознания своей неизбежной смертности.

просоциальность, рискованность, стремление к самоуважению, близкие и сексуальные отношения (см. обзоры [15, 36]).

Таким образом, первые экспериментальные исследования привели авторов к заключению о наличии специального интрапсихического буфера, ограждающего человека от возникновения экзистенциального ужаса смерти и включающего два компонента – самоуважение и культурное мировоззрение.

Третья гипотеза *ТМТ* явилась комбинацией двух предыдущих (относительно самоуважения и культурного мировоззрения): ***усиление одного компонента буфера тревоги смерти должно ослаблять влияние другого.*** В одном из исследований испытуемые перед напоминанием об их смертности заполняли личностный опросник [31]. После обработки результатов экспериментаторы сообщали им не истинную информацию, а специально сформулированную. В экспериментальной группе испытуемым давалась информация о том, что они обладают превосходными личностными качествами (положительная обратная связь), а в контрольной группе сообщалось, что испытуемые обладают средне выраженными качествами личности, ни плохими, и ни хорошими (нейтральная обратная связь). Иными словами, независимой переменной выступала не реакция испытуемых на сообщение об их результатах, а только содержание этого сообщения. Для проверки гипотезы *ТМТ* испытуемых, получивших положительную или нейтральную обратную связь на личностный опросник, подвергали процедуре напоминания о смертности, затем предлагали оценить человека, который критиковал США. Оказалось, что испытуемые с нейтральной обратной связью по поводу своей личности проявляли более высокую степень отрицательных реакций на критика, чем те, у кого было искусственно повышено самоуважение путем положительной обратной связи об их личности [там же]. Другое исследование показало, что люди с естественно сложившейся склонностью к самоуважению менее восприимчивы к угрозам их мировоззренческим убеждениям в условиях индукции очевидности собственной смертности. По мнению авторов, это еще раз доказывает защитную природу самоуважения, которое “разряжает” другие защитные эффекты в осознании собственной смертности [30].

ТМТ объясняет эти результаты тем, что культура поддерживает убеждения людей в осмысленности и упорядоченности Вселенной, а также содержит гарантии для буквального или символического бессмертия. Если человек соответствует

и укрепляет культурные ценности, то он является ценным участником осмысленной Вселенной и, таким образом, может себя уважать и надеяться благодаря этому на некий вид бессмертия. Самоуважение индивида рассматривается здесь как степень его соответствия тем или иным культурным нормам и мировоззренческим идеям. Если же кто-то нарушает принятый в его культуре смысл и порядок, то он таким образом посягает на потенциальное бессмертие индивида, расшатывает его подсознательные защиты от ужаса смерти. Таким образом, напоминание о смертности (*MS*) создает два желания: во-первых, защищать и передавать свое мировоззрение, а во-вторых – увеличивать чувство собственного достоинства. Позднее была сформулирована и экспериментально обоснована модель дуального процесса защиты от сознательных и неосознаваемых мыслей о смерти [16, 43].

Дуальная модель защиты от тревоги смерти предполагает наличие двух неосознаваемых механизмов – “проксимальных” и “дистальных”, действующих на различных когнитивных уровнях и имеющих различные цели и способы переработки. В целом процесс защиты представляется следующим образом: при появлении в сознании мыслей о смерти, провоцирующих развитие негативного аффекта, тут же начинают работать проксимальные механизмы защиты – вытеснение из сознания и подавление неприемлемых для него мыслей и чувств. Эти проксимальные защиты представляют собой фрейдовские механизмы и трактуются как логически связанные с угрозой, прямо сфокусированные на ней и направленные на отрицание личной уязвимости к смерти посредством процессов рациональной переработки (например, принцип “не меня и не сейчас”).

Дистальным защитами от тревоги смерти, или буферам, авторы придают символический характер. Они логически не связаны с угрозой и вступают в действие после расслабления проксимальных защит. Дистальные защиты направлены на предотвращение возможного появления мыслей о смерти в зоне фокального внимания индивида и охраняют от бессознательных мыслей о смерти. К ним относят разные образования, связанные с самоуважением и культурным мировоззрением, а также многое другое. Так, например, к дистальным защитами была отнесена встречающаяся у некоторых людей реакция отвращения к сексуальным отношениям, которая была понята как попытка этих людей дистанцироваться от своей животной природы и тем самым поддержать иллюзию отличия своей судьбы от неизбежно смертной судьбы животных [25]. Моделируя природу защит от

тревоги смерти, авторы обращаются к современной когнитивной психологии и используют развиваемые в ней концепции двух типов процессов переработки информации: явного–скрытого, декларативного–процедурного, рационального–экспериентального⁵ [30, с. 4]. Аналогичную дихотомию они усматривают и в механизмах действия в процессе дуальной защиты от тревоги смерти.

Концепция дуальной защиты поддерживается целым рядом экспериментальных данных, основанных на изучении доступности мыслей о смерти (*death thought accessibility*), обычно измеряемой посредством заданий на завершение двусмысленных словесных фрагментов. Например, *COFF...* можно закончить как *COFFEE* (кофе) или *COFFIN* (гроб). Оказывается, что сразу после напоминания о смерти доступность мыслей о ней ниже, чем после отсрочки, особенно после отсрочки, заполненной когнитивной нагрузкой. Показано также, что угроза культурному мировоззрению увеличивает доступность мыслей о смерти, а поддержание мировоззрения или самоуважения ослабляют ее (см. обзор [17, с. 195–196]).

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ КРИТИКИ ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ УЖАСОМ

Первая реакция на публикацию теории была презрительной: рецензенты журнала “Американский психолог” нашли, что “эти идеи не представляют интереса ни для одного психолога, живого или мертвого”. В ответ на это авторы заметили, что, возможно, мертвых бы их теория и заинтересовала. И только после многочисленных экспериментальных подтверждений и публикаций, и особенно после трагических событий 11 сентября 2001 г. данная теория стала рассматриваться серьезно. Вместе с тем накал критики продолжает расти. Появляется большое количество встречных исследований и теоретических дискуссий на страницах журналов, активизирован междисциплинарный синтез.

Весь массив критики *ТМТ* можно разделить на пять основных направлений.

Наиболее последовательно *ТМТ* критикуется представителями *эволюционной психологии* [24, 35, 42]. Во-первых, они считают, что теоретические послышки *ТМТ* о наличии у живых организмов инстинкта самосохранения (выживания) не соответствуют выводам современной эволюционной биологии об итоговой приспособленности,

согласно которой целью жизни является не выживание организмов, а наиболее благоприятное воспроизводство генетической информации [24, 35, 39–41]. Поэтому живые существа не всегда избегают смертельной опасности, а иногда просто игнорируют ее или даже идут на нее. В качестве примера приводятся лососи, которые яростно уклоняются от опасностей, плывя вверх по течению навстречу своей неминуемой смерти. То, что в популярной литературе именуют “инстинктом выживания”, с точки зрения современной биологии является набором отдельных механизмов, каждый из которых предназначен для защиты от специфических опасностей. Более того, Л.А. Киркпатрик и К.Д. Наваррети (*Kirkpatrick L.A., Navarrete C.D.*) [35] доказывают, что даже если бы инстинкт выживания и возник в эволюции, он был бы неадаптивен и излишен. Так, для играющего в шахматы компьютера инструкция делать “хорошие” ходы и избегать “плохих” не имела бы практической ценности, так как не давала бы конкретного руководства насчет того, какие ходы являются “хорошими”, а какие – “плохими”. Вместо этого в компьютер вкладывается программа, содержащая многочисленные специализированные механизмы для оценки положений и угроз, получения преимущества, защиты короля и т.д. Точно так же психологический механизм, содержащий инструкцию “избегать смерти”, не давал бы никакого руководства в определении того, как вести себя, чтобы достичь этой цели.

Авторы *ТМТ* не согласны с такими замечаниями и не находят в них противоречий своим исходным идеям. Они отвечают, что понятие “инстинкт” используется ими скорее в психоаналитическом смысле, и они не настаивают на существовании унитарного инстинкта самосохранения. Для них это “общая ориентация к длительной жизни, которая выражается многочисленными телесными системами организма (например, сердцем, печенью, легкими и др.) и в их тенденциях приближения или удаления (некоторые из которых квалифицируются как инстинкты), которые обеспечивают выживание и воспроизводство, в конечном итоге приводя к передаче генов последующим поколениям” [36, с. 487]. Они отмечают, что генная репликация более вероятна при долгой жизни, чем при короткой, особенно у млекопитающих, которым надо больше времени для заботы о потомстве после их рождения. Более того, авторы *ТМТ* подчеркивают, что, независимо от того, для чего были отобраны определенные гены в ходе естественного отбора, люди знают, что они живут и хотят жить долго. По-видимому, утверждают авторы, в онтогенезе символических способностей

⁵ От англ. “experience” – (жизненный) опыт. – *Прим. ред.*

эмоциональные реакции, которые порождаются знанием о собственной смертности, добавляются к наследственным паттернам реакций на определенные стимулы.

Второе замечание со стороны критиков-эволюционистов заключается в указании на прослеживаемое в *ТМТ* **дисфункциональное понимание тревоги** [35, 40, 49]. Авторы *ТМТ* обвиняют в том, что они не берут в расчет аргументы об адаптивной полезности тревоги, которые накоплены в рамках функционалистических теорий эмоций и которые согласуются с современной эволюционной биологией. Так, те же Киркпатрик и Наваррети [35, с. 290–292] доказывают, что парализующий страх смерти не мог бы закрепиться в эволюции, и приводят в пример отличающихся “повышенным страхом смерти” кроликов, которых этот страх не парализует. Кролики прячутся в укрытиях при малейшем шорохе, но все равно покидают их, когда актуализируются голод, жажда и др. Для критиков не ясно, почему именно страх смерти у человека должен быть парализующим – ведь есть другие, более эволюционно важные угрозы, которые, однако, не вызывают “парализующего ужаса”. К подобным они относят угрозы воспроизводству, например, невозможность найти партнера в детородном возрасте или оказаться бездетным. Более того, с их точки зрения, в эволюции не могли закрепиться какие-либо системы, тормозящие тревогу смерти только из-за эмоционального дискомфорта, которым она сопровождается. Они указывают на то, что естественный отбор слеп к внутренним психологическим состояниям и чувствам и не заинтересован в том, чтобы сделать организмы счастливыми и удовлетворенными. И даже если тревога по поводу смертности была бы дезадаптивной, то естественный отбор создал бы для устранения вызываемого ею “паралича” более простые и эффективные решения. Естественный отбор консервативен, подчеркивают они, и вместо проектирования специальных систем защиты от тревоги смертности, для которых потребуется бесчисленное количество генных модификаций, можно было бы просто “отщипнуть” немного у уже имеющихся систем. Например, можно было изменить систему регуляции рискованного поведения, снизив мотивацию к нему.

Создатели *ТМТ* совершенно не согласны с приведенными выше возражениями и убеждены, что тревога по поводу смертности является уникально дезадаптивной на том основании, что она возникает при осознании экзистенциального обстоятельства, которого нельзя избежать [36, с. 492]. При этом они указывают, что имеют в виду толь-

ко ту тревогу, которая возникает в отсутствие реальной угрозы жизни, но при разной степени осознания человеком своей смертной природы. Они резонно замечают, что любая тревога может стать дезадаптивной, о чем свидетельствуют примеры миллионов людей в мире, страдающих тревожными расстройствами [там же, с. 493]. Что касается возможности закрепления в естественном отборе такого дезадаптивного качества, как тревога смерти, то создатели *ТМТ* объясняют это при помощи понятия “обмен” (*trade-off*), взятого из современной эволюционной биологии. Например, в обмен на прямохождение человек получил болезни позвоночника, которые снижают его адаптивные возможности.

Третье направление критики связано с положением о **защитной природе культурного мировоззрения**. Это положение оспаривается на нескольких основаниях: во-первых, как базирующееся на защитно-дефицитарной стороне человеческой мотивации в ущерб проактивной [48, 49]; во-вторых, как неверно интерпретирующее сущность культурного мировоззрения и мотивацию его защиты в ответ на различные угрозы, в том числе и угрозу смерти [35, 39]. Последнее вновь исходит от представителей эволюционной психологии. Так, Наваррети [39] приводит данные о том, что имеется большое количество культур, основанных на мировоззрении, которое не только не уменьшает тревогу смерти у своих членов, но даже увеличивает ее (например, кальвинизм или католицизм). Он также сообщает, что не обнаружил реакций защиты культурного мировоззрения в ответ на напоминания о смерти у жителей Коста-Рики, но обнаружил его у них в ответ на напоминания о других угрозах (воровства личного имущества, социальной изоляции и т.п.). В связи с этим и для альтернативного объяснения других эмпирических данных, полученных в рамках *ТМТ*, была выдвинута концепция коалиционной психологии (*coalitional psychology* – *CP*).

Согласно концепции коалиционной психологии, наиболее вероятно, что естественный отбор закрепил системы защиты про-групповых норм для облегчения формирования близких отношений, коалиций и союзов. А коалиции полезны для получения поддержки в проблемных ситуациях, адаптация в которых в одиночку затруднительна, но становится более эффективной за счет поддержки со стороны коалиции, к которой принадлежит индивид.

В ответ на эти замечания сторонники *ТМТ* приводят множество аргументов в пользу своей позиции. Прежде всего, они подчеркивают то, что

не считают защиту от тревоги смерти единственной функцией культурного мировоззрения. Они не отрицают, что мировоззрение способствует формированию и обслуживанию определенных социальных отношений [36, с. 496]. Но авторы не согласны с теорией коалиционной психологии потому, что с ее позиций невозможно объяснить некоторые факты, которые удастся объяснить с позиций *TMT*: например, в мировоззрениях всех существовавших и существующих культур всегда присутствует сверхъестественное измерение и люди выражают свою про-групповую аффилиацию символическими способами, вовлекающими сложные системы веры. С точки зрения коалиционной психологии сложно объяснить, почему если в какой-то местности поедание свинины опасно из-за большой вероятности ее заражения вредными бактериями, то запрету придается некий духовный смысл, а не объявляется об опасности открыто. Также неясно, почему, если функцией коалиций является облегчение генной репликации, так часто во главе утверждаются пронационалистические лидеры, вовлекающие эти коалиции в изнурительные войны, и при этом проигрывают лидеры, обладающие хорошими практическими навыками для выживания и воспроизводства? Почему в истории культур так часты различного рода культы лидера, если основной эволюционной функцией коалиций является предоставление групповой поддержки?

Что касается отсутствия *MS*-эффектов у испытуемых из Коста-Рики, то, по мнению сторонников *TMT*, единичный случай обнаружения нулевого эффекта напоминания о смерти – недостаточно веский аргумент для отвержения их теории, которая основана на сотнях данных. К тому же есть много событий, которые так или иначе напоминают нам о смерти, о чем в рамках *TMT* накоплен существенный объем эмпирических данных. Так, в специальных работах было показано, что и другие прямо никак не связанные со смертью угрозы увеличивают “доступность мыслей о смерти” (например, напоминание о физической природе тела, вызывающих отвращение стимулах, угрозе близким отношениям и др.). Возможно, если бы Наваретти применил для своих испытуемых разработанную в *TMT* процедуру проверки доступности мыслей о смерти после использованных им напоминаний об адаптивных угрозах, то он бы обнаружил эту связь.

Несогласие сторонников *TMT* с альтернативными объяснениями их данных в рамках коалиционной психологии заключается и в том, что в ней отклоняется модель дуальной защиты от тревоги

смерти и не дается никакого альтернативного объяснения обнаруженным эмпирическим фактам.

Четвертое направление критики *TMT* адресуется положениям, связанным с *самоуважением*. Критика исходит от очень авторитетных в данной области фигур и касается, прежде всего, танической подоплеки самоуважения. Так, Марк Лири (*M. Leary*), сформулировавший социометрическую теорию самоуважения [38] вслед за Кули и Дж. Мидом, убежден в интерперсональной природе самоуважения и не находит в нем иных функций, кроме измерения и оповещения индивида о том, насколько его принимают или отвергают другие люди. Согласно многим исследованиям известно, указывает М. Лири, что среди самоубийц чаще встречаются люди с низким самоуважением, а по логике *TMT* все должно быть как раз наоборот. М. Лири провел целый ряд исследований и не обнаружил связи между самоуважением и тревогой смерти [37].

Р.М. Райан и Э.Л. Дисси (*R.M. Ryan, E.L. Deci*) в рамках своей теории самодетерминации находят, что, несмотря на внешние разногласия, *TMT* и социометрическая теория М. Лири сходны в своем понимании самоуважения как защитно-дефицитарного образования; они абсолютизируют только один вид самоуважения – хрупкое (или условное) самоуважение. Именно оно и является производным от защит, в то время как истинное – надежное (или безусловное) самоуважение – производно от удовлетворения потребностей роста, к которым относят потребность в самодетерминации [48, с. 473]. Более того, критики присоединяются к точке зрения о том, что для человека вообще вряд ли свойственна потребность в самоуважении [32]. Такая позиция хотя и идет вразрез с широко известным мнением А. Маслоу о наличии у человека фундаментальной потребности в самоуважении, в последние годы становится все более и более весомой. Стремление к самоуважению рассматривается ими как потребностный заместитель, скрывающий под собой иные потребности, которые, будучи неудовлетворенными, находят такой способ разрядки. Это же замечание поддерживается и в работах Дж. Крокер и Н. Ньюер (*J. Crocker, N. Nuer*), которые, высоко оценивая новации создателей и сторонников *TMT*, считают недостаточно исследованными некоторые моменты: 1) наличие у людей потребности в самоуважении; 2) эффективность “погони” за самоуважением как средства уменьшения тревоги; 3) роль стремления к самоуважению в достижении важных целей; 4) уникальность самоуважения как единственного способа совладания с тревогой; 5) ре-

альность смерти как проблемы, управляющей стремлением к самоуважению [20, с. 1].

Крокер и Ньор [там же] указывают, что, не смотря на сотни эмпирических исследований, демонстрирующих тенденцию людей к расширению, укреплению и защите своего самоуважения, из них нельзя сделать однозначного вывода о наличии такой потребности: если люди часто делают что-то, это еще не значит, что у них есть потребность делать это. С точки зрения логики, выведение подобного заключения является переходом от описания к предписанию, что представляет собой необоснованный дедуктивный скачок.

Самоуважение вряд ли стоит рассматривать и как надежное средство для снижения тревоги вообще, считают они. Приводятся данные о том, что, стремясь повысить свое самоуважение, люди часто ведут себя самоубийственным способом, и мотивация к увеличению самоуважения скорее усиливает, чем снижает тревогу. В своих исследованиях Крокер и Ньор обнаружили, что хотя достижение успеха в областях, поддерживающих самоуважение индивида, увеличивает позитивные аффекты и снижает негативные, включая тревогу, это снижение является временным и возвращается к базовому уровню уже через несколько дней [21]. Таким образом, увеличение самоуважения не может решить реальной проблемы смертности, оно дает лишь временный эффект, подобно алкоголю и принятию наркотиков, а потому требует постоянных энергетических затрат и напоминает сизифов труд.

Ответа на отмеченные выше замечания от сторонников *TMT* пока не последовало, но его содержание легко можно предугадать, исходя из логики рассуждений и интерпретации авторами своих эмпирических находок. Так, указание на защитный характер самоуважения не противоречит выводу о том, что его поддержание является сизифовым трудом – любая психологическая защита, в сущности, является таким “трудом”. Более того, в специальных исследованиях было показано, что испытуемые после *MS* могут поддерживать свое самоуважение таким способом, который логически не связан с проблемой смерти и даже противоречит ей. Например, сразу после *MS* испытуемые не показывали увеличения самоуважения и демонстрировали увеличение желания заниматься физкультурой и использовать солнцезащитные средства, а через некоторое время, после занятия какой-либо деятельностью, у них отмечались эффекты защиты своего самоуважения, проявлялось сниженное желание использовать солнцезащит-

ные средства, если загар повышал их самоуважение [47].

В дальнейших работах по *TMT* Крокер и Ньор не нашли доказательств тому, что единственным или даже важнейшим основанием системы самоуважения является тревога смерти. Так, в одной из последних работ было показано, что люди, убежденные в некоторой форме существования после смерти, обнаруживают ослабление *MS*-эффектов [22, 23]. С точки зрения критиков, это просто подтверждает, что *MS*-эффекты – результат озабоченности по поводу смерти. Снижает ли такая манипуляция самоуважение, к которому стремятся в ответ на другие события (например, на социальное отвержение)? Они считают, что если бы авторы проверили, стремятся ли к самоуважению люди, которые верят в загробную жизнь, то это убедительнее доказывало бы их теорию.

Пятое направление критики *TMT* исходит от экзистенциальной психологии и связано с **онтологическим соотношением приоритетов проблем поиска смысла и смерти в человеческом существовании**, а также с ролью в нем факта осознания индивидом собственной смертности. Так, авторы модели поддержания смысла (*Meaning Maintenance Model – MMM*) С.Дж. Хейне и К.Д. Вохс (*S.J. Heine, K.D. Vohs*) [32, 33] в своих исследованиях пришли к выводу, что *MS*-эффекты являются скорее проявлением не двухкомпонентного буфера против тревоги смертности, а феномена *подвижной компенсации* в ответ на угрозы смыслу жизни индивида. В том же направлении адресует свои замечания и П.Т. Вонг (*P.T.P. Wong*) – последователь идей В. Франкла, получивший известность благодаря своей теории управления смыслом (*Meaning Management Theory – MMT*) [51–53]. Он оппонирует *TMT* и доказывает, что поиск смысла так же, как и выживание, является первичной потребностью человека и в некоторых случаях может стать более сильным, чем стремление к выживанию. Например, в отдельных случаях потребность в самоактуализации и в самотрансцендировании может стать выше и насущнее потребности избегать смерти. Более того, Вонг рассматривает смысл как более надежную защиту от ужасов жизни и смерти, который при этом еще может вести к более продуктивной и насыщенной жизни. Он обращает внимание на то, что экзистенциальная психология может быть негативной и позитивной в зависимости от того, как в ней трактуется влияние на человека онтологических “данностей” человеческого существования. Негативная трактовка представляет существование человека наполненным страхом и ориенти-

рованным на защитный стиль; позитивная – раскрывает возможность трансформации смыслов в системе взглядов, позволяющие человеку жить с принятием своей смертной природы и максимизировать радость и исполненность жизни. В своих исследованиях Вонг [51] обнаружил пять различных отношений человека к смерти, среди которых три включают ее принятие. Он считает, что получил достаточный объем клинических и эмпирических доказательств того, что при определенных условиях человек принимает свою смертность и это не лишает его жизнь смысла.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный обзор позволяет утверждать, что сформулированная Дж. Гринбергом, Т. Пиццинским и Ш. Соломоном теория управления ужасом актуализировала очень важную проблему, решение которой имеет в первую очередь огромное теоретическое значение. *ТМТ* делает попытку по-новому концептуализировать социальную и личностную психодинамику, она способствует интеграции самых разнообразных научных областей и не может быть обделена вниманием научного сообщества.

Наиболее спорным положением теории представляется исходная посылка о безальтернативно деструктивном значении тревоги смерти для жизни и развития отдельного индивида. Как уже отмечалось выше, эта посылка не совсем стыкуется с нарастающим объемом данных о функциональном потенциале тревожных состояний вообще [3, 8, 35]. Если обратиться к экзистенциалистскому подходу, к которому относят себя авторы теории, то становится очевидным, что они придерживаются сартровской [10] трактовки роли знания об аутомортальности в существовании человека: смерть обесмысливает жизнь, ограничивая возможности самореализации человека. При этом они не принимают во внимание хайдеггеровскую [11] позицию, которая наиболее последовательно поддерживается и развивается экзистенциальными психологами. С этой точки зрения, влияние тревоги смерти на существование и развитие человека опосредствовано личностными ресурсами и может иметь конструктивный характер, стимулируя личностный рост и более глубокую осмысленность жизни (Д.А. Леонтьев [6], Р. Мэй [7], И. Ялом [14]). Эта позиция созвучна и субъектно-деятельностному подходу (К.А. Абульханова [1], Л.И. Анцыферова [2], А.В. Брушлинский [3], С.Л. Рубинштейн [9]), обосновывающему способность человека к самодетерминации и са-

моразвитию. Тревога смерти в таком контексте может рассматриваться как одно из проявлений субъектной активности личности по отношению к самой себе.

Следует признать, что хайдеггеровская позиция по отношению к тревоге смерти в эмпирическом плане исследована не достаточно. В дальнейших исследованиях может быть использована интересная, хотя и не бесспорная, экспериментальная методология *ТМТ*. Экспериментальное индуцирование тревоги по поводу неизбежной конечности личного существования может порождать одновременно как психозащитные, так и катализирующие личностный рост эффекты. В частности, интересно было применить эту методологию в контексте проблем психологии развития, в результате чего выяснилось, например, что индуцирование тревоги смерти у подростков может вызывать эффект усиления у них “чувства взрослости” [5].

На новаторство экспериментальной методологии *ТМТ* указывают даже критики отдельных положений теории. Полученные с ее помощью данные трудно уличить в недостоверности и ненадежности. И хотя интерпретация получаемых данных остается очень уязвимой для скепсиса, предлагаемый авторами *ТМТ* подход стимулирует весьма продуктивные тенденции в современной психологической науке как самой постановкой проблемы и ее аргументацией, так и полемикой, развернувшейся вокруг нее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова К.А. Рубинштейновская категория субъекта и ее различные методологические значения // Проблема субъекта в психологической науке / Отв. ред. А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова, В.Н. Дружинин. М.: Академический проект, 2000. С. 13–26.
2. Анцыферова Л.И. Психологическое содержание феномена “субъект” и грани субъектно-деятельностного подхода. URL: <http://www.ipras.ru/conf/ancif.htm>
3. Астапов В.М. Функциональный подход к изучению состояния тревоги // Прикладная психология. 1999. № 1. С. 41–48.
4. Брушлинский А.В. Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003.
5. Гаврилова Т.А., Швец Ф.А. Эффект влияния аутомортальной тревожности на подростковое чувство взрослости // Инновационный потенциал психологии в развитии человека: Сборник материалов международной научно-практической конференции /

- Под общей ред. проф. В.С. Чернявской. ВГУЭС 25–27 июня 2009 г. Владивосток: ВГУЭС, 2009. С. 100–103.
6. Леонтьев Д.А. Экзистенциальная тревога и как с ней не бороться // Московский психотерапевтический журнал. 2003. № 2. С. 107–119.
7. Мэй Р. Смысл тревоги / Пер. с англ. М.И. Завалова и А.Ю. Сабуриной. М.: Независимая фирма “Класс”, 2001.
8. Прихожан А.М. Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст. 2-е изд. СПб.: Питер, 2007.
9. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997.
10. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Пер. В.И. Колядко. М.: Республика, 2000.
11. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997.
12. Щебетенко С.А., Ефимова Г.П. Восприятие иммигрантов и когнитивная нагрузка: вклад социальной желательности // Психология кризисных и экстремальных ситуаций: междисциплинарный подход: Материалы научно-практич. конференции “Ананьевские чтения – 2008” / Под ред. Л.А. Цветковой, Н.С. Хрустальной. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008. С. 133–135.
13. Щебетенко С.А., Корниенко Д.С., Балева М.В. Восприятие русскими иммигрантов: половые различия и стереотип // Психология когнитивных процессов. Смоленск: Универсум, 2007. С. 352–357.
14. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Независимая фирма “Класс”, 2000.
15. Arndt J., Greenberg J., Schimel J. et al. To belong or not to belong, that is the question: terror management and identification with gender and ethnicity // Journ. Pers. Soc. Psychol. 2002. V. 83. № 1. P. 26–43.
16. Arndt J., Greenberg J., Cook A. Mortality Salience and the spreading activation of worldview-relevant constructs: exploring the cognitive architecture of terror management // Journ. Exper. Psychol. 2002. V. 131. № 3. P. 307–324.
17. Arndt J., Routledge C., Cox C.R., Goldenberg J.L. The worm at the core: A terror management perspective on the roots of psychological dysfunction // Applied and Prevent. Psychol. 2005. V. 11. P. 191–213.
18. Becker E. The denial of death. N.Y.: Free Press, 1973.
19. Becker E. The Birth and Death of Meaning. N.Y.: Basic Books, 1971.
20. Crocker J., Nuer N. Do people need self-esteem? Comment on Pyszczynski et al. // Psychol. Bull. 2004. V. 130. № 3.
21. Crocker J., Nuer N. The insatiable quest for self-work // Internation. Journ. Advanc. Psychol. Theory. 2003. V. 14. № 1. URL: http://www.learnaslead.com/pdf/Psych_Inquiry02.pdf
22. Dechesne M., Janssen J., van Knippenberg A. Defense and distancing as terror management strategies: The moderating role of need for structure and permeability of group boundaries // Journ. Pers. Soc. Psychol. 2000. V. 79. P. 923–932.
23. Dechesne M., Pyszczynski T., Arndt J. et al. Literal and symbolic immortality: The effect of evidence of literal immortality on self-esteem striving in response to mortality salience // Journ. Pers. Soc. Psychol. 2003. V. 84. № 4. P. 722–737.
24. Fessler D.M.T., Navarette D.C. The Effect of Age on Death Disgust: Challenges to Terror Management Perspectives // Evoluton. Psychol. 2005. V. 3. P. 279–296. URL: <http://human-nature.com/ep>
25. Goldenberg J.L., McCoy S.K., Pyszczynski T. et al. The body as a source of self-esteem: The effect of Mortality Salience on identification with one’s body, interest in sex, and appearance monitoring // Journ. Pers. Soc. Psychol. 2000. V. 79. № 1. P. 118–130.
26. Greenberg J., Porteus J., Simon L. et al. Evidence of a terror management function of cultural icons: The effects of mortality salience on the inappropriate use of cherished cultural symbols // Personal. Soc. Psychol. Bull. 1995. V. 21. P. 1221–1228.
27. Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S. The causes and consequences of the need for self-esteem: A terror management theory // Public and private self / Ed. R.F. Baumeister. N.Y.: Springer-Verlag, 1986. P. 189–212.
28. Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S. et al. Evidence for terror management II: The effects of mortality salience on reactions to those who threaten or bolster the cultural worldview // Journ. Pers. Soc. Psychol. 1990. V. 58. P. 308–318.
29. Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S. et al. The role of consciousness and accessibility of death related thoughts in mortality salience effects // Journ. Pers. Soc. Psychol. 1994. V. 67. P. 627–637.
30. Greenberg J., Solomon S., Pyszczynski T. et al. Assessing the terror management analysis of self-esteem: Converging evidence of an anxiety-buffering function // Journ. Pers. Soc. Psychol. 1992. V. 63. P. 913–922.
31. Harmon-Jones E., Simon L., Greenberg J. et al. Terror management theory and self-esteem: Evidence that increased self-esteem reduces mortality salience effects // Journ. Pers. Soc. Psychol. 1997. V. 72. P. 24–36.
32. Heine S.J., Vohs K.D. The Meaning Maintenance Model: On the Coherence of Social Motivations. URL: http://www.psych.ubc.ca/~heine/docs/2006_mmm.rtf
33. Heine S.J., Lehman D.R., Markus H.R., Kitayama S. Is there a universal need for positive self-regard? // Psychol. Rev. 1999. V. 106. P. 766–794.
34. Jonas E., Schimel J., Greenberg J., Pyszczynski T. The Scrooge Effect: Evidence that mortality salience increases prosocial attitudes and behaviors // Personal. Soc. Psychol. Bull. 2002. V. 28. № 10 (Oct.). P. 1342–1353.

35. Kirkpatrick L.A., Navarrete C.D. Reports of my death anxiety have been greatly exaggerated: a critique of terror management theory from an evolutionary perspective // *Psychol. Inquiry*. 2006. V. 17. № 4. P. 288–298.
36. Landau M.J., Solomon S., Pyszczynski T. On the compatibility of Terror Management Theory and perspectives on human evolution // *Evolution. Psychol.* 2007. V.5(3). P. 476–519. URL: <http://www.epjournal.net/EP05476519.pdf>
37. Leary M.R. The Interpersonal Basis of Self-Esteem: Death, Devaluation, or Deference. URL: <http://www.sydney-symposium.unsw.edu.au/2001/downloads/LearyDraft2001.doc>
38. Leary M.R., Tambor E.S., Terdal S.K., Downs D.L. Self-esteem as an interpersonal monitor: The sociometer hypothesis // *Journ. Pers. Soc. Psychol.* 1995. V. 68(3). P. 518–530.
39. Navarrete C.D., Kirkpatrick L.A. Anxiety and intergroup bias: Terror Management or Coalitional Psychology? // *Group process and intergroup relations*. 2004. V. 7(4). P. 370–397.
40. Navarrete C.D. Death concerns and adaptive challenges: The effect of coalition-relevant challenges on worldview defense in US and Costa Rica // *Group process and intergroup relations*. 2005. V. 8(4). P. 411–427.
41. Navarrete C.D., Fessler M.T. Normative bias and adaptive challenges: a relational approach to Coalitional Psychology and a critique of Terror Management Theory // *Evolution. Psychol.* 2005. V. 3. P. 297–325. URL: <http://www.epjournal.net>
42. Paulhus D.L., Trapnell P.D. Terror Management Theory: extended or overextended? // *Psychol. Inquiry*. 1997. V. 8 (1). P. 40–43.
43. Pyszczynski T., Greenberg J., Solomon S. A dual process model of defense against conscious and unconscious death-related thoughts: An extension of terror management theory // *Psychol. Rev.* 1999. V. 106. P. 835–845.
44. Pyszczynski T., Wicklund R.A., Floresky S. et al. Whistling in the dark: Exaggerated estimates of social consensus in response to incidental reminders of mortality // *Psychol. Science*. 1996. V. 7. P. 332–336.
45. Pyszczynski T., Greenberg J., Solomon S. et al. Why do people need self-esteem? A theoretical and empirical review // *Psychol. Bull.* 2004. V. 130. P. 435–468.
46. Rosenblatt A., Greenberg J., Solomon S. et al. Evidence for terror management theory I: The effects of mortality salience on reactions to those who violate or uphold cultural values // *Journ. Pers. Soc. Psychol.* 1989. V. 57. P. 681–690.
47. Routledge C., Arndt J., Goldenberg J.L. A time to tan: Proximal and distal effects of mortality salience on sun exposure intentions // *Personal. Soc. Psychol. Bull.* 2004. V. 30. P. 1347–1358.
48. Ryan R.M., Deci E.L. Avoiding death or engaging life as accounts of meaning and culture: Comment on Pyszczynski et al. // *Psychol. Bull.* 2004. V. 130. № 3. P. 473–477.
49. Ryan R.M., Deci E.L. The darker and brighter sides of human existence: Basic psychological needs as a unifying concept // *Psychol. Inquiry*. 2000. V. 11. P. 319–338.
50. Taubman Ben-Ari O., Florian V., Mikulincer M. The impact of mortality salience on reckless driving: A test of terror management mechanisms // *Journ. Pers. Soc. Psychol.* 1999. V. 76. P. 35–45.
51. Wong P.T.P. Meaning Management Theory and Death Acceptance. URL: http://www.meaning.ca/archives/archive/art_MMT-death-acceptance_P_Wong.htm
52. Wong P.T.P. Meaning in life and meaning in death in successful aging // *Death attitudes and the older adult: Theories, concepts and applications* / Ed. A. Tomer. Philadelphia, PA: Bruner-Routledge, 2000. P. 23–35.
53. Wong P.T.P. The challenges of Experimental Existential Psychology: Terror management or meaning management? URL: <http://www.tyndale.ca/universitycollege/psychology/downloads/Terror-Management%20vs.%20Meaning-Management.doc>

DEATH ANXIETY IN J. GREENBERG'S, T. PYSZCZYNSKI'S AND S. SOLOMON'S TERROR MANAGEMENT THEORY

T. A. Gavrilova

PhD, head of practical psychology chair, Ussuriisk State Pedagogical Institute, Ussuriisk

The review of English publications on J. Greenberg's, T. Pyszczynski's and S. Solomon's Terror Management Theory (TMT) is presented. Theoretical backgrounds and proposition of TMT are described; main hypothesis, experimental methodology, empirical data and conclusions are summarized. Five main lines of TMT's criticism are analyzed.

Key words: death anxiety, Terror Management Theory, psychological defense, self-respect, cultural worldviews, empirical existential psychology, evolutionary psychology.